«Околонолевые» сюжеты

«Околоноля» — так называется произведение одного писателя, работающего давно, виртуозно и по совместительству политиком. Очень важное это состояние. О нем когда-то сказано: «сегодня рано, завтра поздно», его хорошо знают летчики, вратари, артисты. Удивительной тонкости состояние, фантастической чувствительности и готовности к новому. Как правило, это новое совершенно непредсказуемо.

В каждой встрече в нашей «Стратегической студии» на информационном мультипортале KM.RU появляется такое состояние. Как следствие искреннего интереса одного собеседника и уникального опыта и знания другого. И как бонус от имени таинственности глобальной ситуации, обволакивающей и Россию. Поэтому рефреном в наших беседах — вопрос, поиск, гипотеза, ракурс, диалогичность. Полнота картины — из разряда малодоступных деликатесов. Это — на ПОТОМ. В точке около начала и одновременно около финала существенно иное. Из сочленения иных субстанций друг с другом выискриваются подлинные проблески сути вещей.

В публикуемом блоке бесед сошлись три глобальных сюжета: о том, что творится с человеческим мозгом и здоровьем людей, о том, как накатывает волна за волной социальная турбулентность, и о том, что шаг за шагом отрабатывается новая модель экономического развития.

Все эти сюжеты — «околонолевые». Каждый сулит грандиозные перемены. Их масштаб и влияние на нашу повседневность можно уже начинать предсказывать, но представить, как и все «околонолевое», невозможно. Но лучше всех к восприятию сюрпризов будущего подготовлены те, кто максимально чувствителен к проблескам, намекам нового. Те, кто интенсивной творческой работой не даст завянуть своим нейронам, выстраивая новые и новые нейронные конфигурации. Те, кто сумеет выстроить цепочки созидания, исходя из духа новой экономики, отвергающей кредитную пирамидную эйфорию и опирающуюся на наращивание потенциала знаний, компетенций, творчества. Те, кто устоит перед шквалом стихийных и рукотворных глобальных социальных экспериментов. Устоит как личность, даже будучи песчинкой в этом водовороте. Ведь и песчинка, случается, «обретает силу пули»….

Александр Агеев

У нас разрушена система здравоохранения

Угрюмов Михаил Вениаминович, *заведующий Лабораторией гормональной регуляции Института биологии развития им. Н.К. Кольцова РАН, академик РАН*

Позвольте начать разговор с вопроса о роли мозга в организме человека.

Организм живет до того момента, пока сохраняется постоянство его внутренней среды, которое необходимо все время поддерживать при изменяющихся внешних условиях. Мозг как раз и является координирующей структурой, которая обеспечивает гомеостаз. Это первое. Второе: нет ни одной функции организма, которая бы не контролировалась и не координировалась мозгом. И третье: мозг есть субстрат сознания.

Следовательно, проблемы с обеспечением мозгом гомеостаза проявляются в форме всевозможных заболеваний.

Организм в целом можно представить как некую многоуровневую кибернетическую систему, и все эти уровни регулируются по принципу прямых и обратных связей. А в центре регуляторной системы находится мозг. Любое заболевание мозга фактически связано с гибелью какой-то определенной группы нейронов. И в зависимости от того, в регуляцию какой функции вовлечена эта группа нейронов, страдает определенная функция. Это может быть либо в целом потеря способности поддерживать постоянство внутренней среды, либо нарушение репродуктивной или когнитивной функции и т.д. Заболевания мозга — одна из глобальных проблем, стоящих перед человечеством. По прогнозам Всемирной организации здравоохранения, неврологические и психические заболевания в ближайшие 10–15 лет должны переместиться с третьего места на первое, потеснив сердечно-сосудистые и онкологические заболевания.

Заболевания мозга — одна из глобальных проблем, стоящих перед человечеством.

О каких болезнях идет речь?

В первую очередь это инсульты. Быстро растет количество больных с депрессиями и так называемыми хроническими нейродегенеративными заболеваниями — болезнью Альцгеймера и болезнью Паркинсона.

Депрессия — это серьезная медицинская проблема?

Да, очень серьезная проблема, которая возникает в результате нарушения функционирования определенных систем мозга. Это органическое заболевание, которое, как и любое другое заболевание, может отчасти провоцироваться изменениями во внешней среде.

А в каких регионах эти заболевания встречаются чаще? Есть такая статистика?

Полагаю, статистика есть, но к ней нужно относиться с осторожностью, поскольку статистика определяется уровнем диагностики, а следовательно, и уровнем развития общества. В Африке, например, с диагностикой дела обстоят неважно, но это не значит, что там живут здоровые люди.

Совершенно очевидно, что инсульты, депрессии, нейродегенеративные заболевания являются атрибутами развитого цивилизованного общества. Сегодня в Европе и Америке около 25 миллионов человек страдают болезнью Альцгеймера и болезнью Паркинсона. Предполагается, что в ближайшие 15–20 лет их численность увеличится до 40 миллионов. Такой рост заболеваемости обусловлен несколькими факторами, среди которых не последнюю роль играет загрязнение окружающей среды. Другой важный фактор — увеличение продолжительности жизни населения в развитых странах.

Вероятно, эти болезни начинают развиваться не в пожилом возрасте, а гораздо раньше?

Первые симптомы у больных проявляются иногда через 20–30 лет после начала гибели нейронов. Болезнь проявляется тогда, когда уже погибла большая часть нейронов. Раньше врачи полагали, что 20 процентов нейронов вполне достаточно, чтобы обеспечить нормальное функционирование организма, то есть считалось, что мозг создан с переизбытком нейронов. Но все попытки поддержать не погибшие нейроны были безуспешны — не только не удавалось излечить больных, наоборот, шел цепной процесс. В течение нескольких лет человек становился инвалидом, и, к сожалению, его ожидал летальный исход. Сейчас на это смотрят совершенно по-другому: считают, что все 100 процентов нейронов

абсолютно необходимы; по мере их гибели включаются компенсаторные процессы или так называемые механизмы пластичности мозга, которые поддерживают работу этой системы. Первые симптомы болезни свидетельствуют о том, что собственная регуляторная система разрушена, компенсаторные резервы мозга исчерпаны, а потому бессмысленно начинать лечение.

Отсюда вывод: надо научиться ставить диагноз задолго до того, как появились первые симптомы, и начинать превентивное лечение. Идеально было бы остановить процесс гибели нейронов, но, поскольку мы почти никогда не знаем, что его вызывает, остановить его мы не можем. А вот резко замедлить гибель нейронов, наверное, можно. Сейчас

Наивно думать, что можно финансировать науку, как в Румынии, и получать результаты, как в Германии.

врачи во всем мире как раз этим и занимаются. На решение этой задачи нацелено несколько международных мегапроектов. Я являюсь координатором одного из таких проектов, который мы реализуем совместно с Национальным институтом здоровья США и нашими французскими коллегами.

Какая страна лидирует в борьбе с нейродегенеративными заболеваниями?

В этой области успешно работают американцы и французы, но я бы не сказал, что кто-то из них лидирует с большим отрывом. У нас в России тоже есть определенные достижения. Нам удалось создать виртуальный коллектив, фактически виртуальный институт, который занимается нейродегенеративными заболеваниями. В рамках программы Президиума РАН финансируется деятельность примерно 30 коллективов из 30 институтов РАН и Академии медицинских наук.

Серьезный проект?

Очень. В него вовлечены не только клиницисты, но и молекулярные биологи, генетики и т.д.

Не появятся ли в результате этих исследований новые нейростимуляторы, которые позволят не только лечить нейродегенеративные заболевания, но и создать суперчеловека, обладающего супервозможностями?

Если отбросить такие термины, как «суперчеловек», «супервозможности», то я бы сказал, что все, о чем вы говорите, в том, или ином виде уже существует. Сейчас довольно широко применяются лекарственные препараты, стимулирующие умственную активность, которые могут принимать здоровые люди, работающие в экстремальных условиях. Одновременно такие препараты мобилизуют компенсаторные возможности мозга, о которых мы с вами говорили. Это, например, отечественный препарат семакс. Он в свое время создавался по заказу Министерства обороны.

Каково соотношение науки и этики в современном мире?

На этот вопрос надо отвечать с учетом территориальной специфики. В Европе, США и России этические задачи, встающие перед исследователями, решаются по-разному. Наверное, самый яркий пример новых технологий, которые разрабатываются для лечения болезней мозга и требуют этической оценки, — это клеточные технологии. В начале 1990-х годов на животных были созданы очень хорошие экспериментальные модели болезни Паркинсона. Болезнь удавалось полностью излечить с помощью пересадки утраченных эмбриональных нейронов в мозг взрослого животного. Тогда появилась некая эйфория по поводу того, что можно то же самое проделать с больным человеческим мозгом и победить болезнь.

В Европе и Соединенных Штатах были организованы две очень большие программы. Работа началась с выработки и обнародо-

вания этических норм, которые помимо прочего включали требование информировать женщин, готовых предоставить абортный материал для трансплантации, а также информировать больных о том, что с ними делают. Процедура должна была быть совершенно бесплатной и т.д. Это был некий кодекс, и исследования велись на его основе. Наша страна тоже была включена в эту программу, и я был координатором российской группы, куда входили ученые из девяти институтов РАН, Академии медицинских наук и Минздрава. Но прошло десять лет, и стало ясно, что эти технологии не дали ожидаемого результата. Большого вреда больным не нанесли, но и прорыва не получилось.

Сейчас экспериментальные исследования в этом направлении ведутся с использованием генной инженерии. А этический кодекс сохраняется, и они его строго придерживаются. По крайней мере на Западе такие операции делаются только легально. А у нас в те времена, когда работала упомянутая мной европейская программа, несколько групп, причем в разных городах, проводили такие операции без разрешения. Ни в одной цивилизованной стране они не получили бы разрешения!

Как понимаю, это довольно распространенная практика?
К сожалению. С людей берут огромные деньги, а улучшений нет, зато нередки осложнения. Борьбой с такими явлениями последовательно занимается ведущий специалист России в области нейрохирургии, директор Научно-исследовательского института нейрохирургии им. академика Н.Н. Бурденко, академик РАН Александр Николаевич Коновалов. Вместе мы уже 20 лет пытаемся просвещать население и каким-то образом ограничивать полулегальную деятельность в медицине.

Депрессию тоже лечат полулегально?
Ее нередко лечат знахари и колдуны. Почему люди к ним обращаются? Да потому, что у нас фактически разрушена система здравоохранения. Те, у кого есть средства, едут лечиться на Запад, а все остальные, понимая, что официальное здравоохранение мало что для них может сделать, да то немногое будет стоить колоссальных денег, идут к знахарям или в церковь.

Как Вы думаете, насколько сегодня в нашей стране востребован научный потенциал? Можно ли повысить эффективность РАН как единственного плацдарма развития науки в нашей стране? Если да, то каким образом?
Понимаете, здесь существует очень серьезное противоречие. С одной стороны, мы везде слышим и читаем о том, что Россия нуждается в новых технологиях, в развитии науки, что необходимо остановить утечку мозгов. Но в это плохо верится. Судите сами: стипендия аспиранта в Академии наук полторы тысячи рублей. Как при такой стипендии решать задачу привлечения молодежи в науку? Это первое. Второе: есть определенный уровень финансирования науки, при котором она становится эффективной. Это конкретные суммы, которые расходуются на приобретение оборудования, материалов, на зарплату и т.д. До кризиса российская наука получала в 10 раз меньше финансовых ресурсов, чем европейская. Сейчас ситуация еще хуже. Наивно думать, что можно финансировать науку, как в Румынии, и получать результаты, как в Германии. Для сравнения приведу пример: финансирование РАН — это где-то 2 миллиарда долларов. Финансирование одной только медико-биологической отрасли в США — 32 миллиарда долларов. Понятно, что в такой ситуации наука не может быть эффективной.

Чтобы повысить эффективность РАН, нужно выполнить два условия, как говорят математики, необходимое и достаточное. Необходимое условие — адекватный уровень финансирования. Без этого никакие перестановки не помогут. И второе — это модернизация Академии наук, ее частичное реформирование.

Вы нарисовали довольно печальную картину. В таком случае: что дает Вам силы и позволяет сохранять веру в будущее?
Я вспоминаю слова академика Андрея Ивановича Воробьева, которому уже за 90 лет, и он, слава богу, жив и здравствует. Так вот, на своем юбилее он сказал: «Россия — моя страна, моя Родина, и я несу ответственность за то, что здесь происходит». Точно так же думали мои родители, мои учителя и наставники. Вот что дает мне силы и оптимизм для работы. ЭС

ПЭС 11119/23.05.2011

Беседу А.И. Агеева и М.В. Угрюмова от 10 июня 2011 г. на тему «У нас разрушена система здравоохранения» можно посмотреть на сайтах Института экономических стратегий http://www.inesnet.ru/tv/ugryumov/ и информационного мультипортала KM.RU http://tv.km.ru/akademik-m-ugryumov-u-nas-faktic

Без молодежи нет рывка — ее уничтожают!

Сундиев Игорь Юрьевич, *вице-президент Криминологической ассоциации России, доктор философских наук, профессор*

Как когнитивные технологии, связанные с сознанием и информацией, влияют на поведение молодежи?

Мы все помним выступления Анатолия Кашпировского, трансформацию общественного сознания, которая не могла произойти в обычных условиях. Это новые, жесткие технологии, связанные с разрушением психики. Очень важно, что они опираются на возможность непосредственного нахождения объекта здесь и сейчас.

Вы имеете в виду Интернет и мобильную связь?

Все электронные средства массовой коммуникации. И Интернет, и мобильную связь, и телевидение — то информационное поле, которое окружает человека. Согласитесь, что сегодня человек находится в более плотном информационном поле, чем, допустим, 20, 30, 50 лет назад. Более того, изменился принцип получения информации. Чтение литературы на бумажных носителях становится архаикой.

По сути, архаикой становится традиционная структура мышления.

Изменение структуры мышления тоже не случайно. Это неестественный процесс.

Это процесс самоорганизующийся? Или его кто-то провоцирует?

Это сознательно выстроенный процесс. Его главная цель — молодежь как основной субъект модернизации. Человеком в мощном информационном поле очень легко управлять. Если раньше речь шла о концепции управляемого хаоса, то потом выяснилось, что хаос можно вызвать, но управлять им очень-очень сложно. Обратите внимание, события в Северной Африке сейчас трактуются уже не как управляемый хаос, а как созидательное разрушение.

Возникает вопрос: в России мало молодежи по стихийным причинам или все-таки это какая-то целенаправленная акция?

Разве такое созидательное разрушение не приносит конкретных выгод конкретным игрокам?

На любом пожаре есть пострадавшие и есть люди, выигрывающие от пожара.

И пожарные, которые тушили пожар.

Верно. Тем не менее сам факт пожара никто не отменяет. Главная задача когнитивных технологий — это терроризм, экстремизм, формирование новых смыслов. Раньше смыслы формировал идеологический аппарат, за это отвечала церковь, она и сегодня считает формирование смыслов своим долгом. Сейчас появились технологии, которые позволяют очень быстро и незаметно для человека изменять смыслы.

В 1985 году было проведено крупное исследование, имевшее целью определить степень социальной активности молодых людей.

Изучали ценностные ориентации молодежи?

Да. Выяснилось, что более 80 процентов молодых людей были нацелены на социально значимые действия, то есть хотели перемен не для себя, а для всего общества.

«Перемен требуют наши сердца...» или «Вот, новый поворот...»?

И это искренне — таково было общее настроение. А что мы видим сейчас? В прошлом году провели аналогичное исследование, и выяснилось, что предпочтения молодежи в корне изменились. Сегодня молодые замкнуты на себе и групповых интересах референтной для них группы.

Я заговорил о молодежи, потому что традиционно молодежь обладает большим пассионарным зарядом, чем люди старшего поколения. Она скорее ставит перед собой макросоциальные цели, чем внутригрупповые. У нас же произошел тектонический сдвиг, когда цели группы стали гораздо важнее, чем все то, что происходит в обществе и государстве.

Это радикальные группы или группы по интересам?

Сейчас не редкость заявления о том, что у нас 20 тысяч радикальных националистических молодежных групп. Откуда берут-

ся такие цифры? У молодых людей статус и групповые ориентации очень текучи. Жесткая фиксация в группах — это скорее исключение, чем правило. Сегодня человек может быть скинхедом, а завтра станет кем-то еще.

Тут есть один очень важный момент, на который следует обратить внимание: с 1990 года количество молодых людей в России сократилось на 13 миллионов, а в ближайшей перспективе их станет еще меньше. В этих условиях рассчитывать на молодежь как на некую политическую силу будет, мягко выражаясь, не совсем правильно хотя бы потому, что в молодежь уже заложена эта турбулентность жидкостная. Когда молодых людей мало, они становятся объектом пристального внимания, часто негативного.

За последние три года одним из инструментов формирования новых смыслов стали субкультуры — готы, эмо и т.д. По данным Всемирной организации здравоохранения, мы занимаем устойчивое первое место в мире по суициду среди молодых людей до 20 лет, и процент суицида выше всего среди представителей субкультур. Суицид является атрибутом субкультурной деятельности. Согласно отчету все той же ВОЗ за прошлый год, мы занимаем первое место в Европе по криминальной смертности среди молодежи. 70 процентов потребителей наркотиков в России — это молодые люди. Кстати, потребление наркотиков — тоже один из атрибутов практически всех субкультур. Иначе говоря, в данном случае субкультура становится не столько орудием сплачивания молодых людей, сколько инструментом уничтожения. Молодежи физически мало, и становится все меньше, потому что ее уничтожают.

Каковы потери среди молодежи за последние 20 лет?
Чтобы ответить на этот вопрос, надо войти на сайт Всемирной организации здравоохранения и посмотреть статистику. Все данные есть в открытом доступе, их очень легко проверить.

За последние 20 лет преждевременной и неестественной смертью в целом по России умерли девять миллионов человек, но среди умерших не только молодые люди. Девять миллионов — это огромные потери!
Думаю, это заниженные данные. Приведу пример: с начала 1990-х годов, когда у нас смертность превысила рождаемость, на одного новорожденного приходилось не менее пяти умерших по неестественным причинам. Сегодня это соотношение составляет один к трем. При этом следует учесть, что в РФ 96 процентов детей рождаются с врожденными заболеваниями. Половина этих заболеваний возникает из-за очень низкого качества медицинской помощи беременным женщинам. Возникает вопрос: в России мало молодежи по стихийным причинам или все-таки это какая-то целенаправленная акция?

Мы об этом так спокойно рассуждаем, а ведь ситуация чудовищная.
Мой внешне спокойный тон совсем не связан с уровнем актуальности этих проблем. Я об этом говорю уже много лет.

Позвольте задать последний вопрос: есть ли в нашем социуме игроки, которые, скажем так, пропагандируют какие-то более позитивные и творческие смыслы?
Нельзя охватить технологическим воздействием 100 процентов населения. Это закон популяции. Даже самые жесткие технологии успешно воздействуют не более чем на 80 процентов населения, а 20 процентов остается при своем. Так вот, около 20 процентов нашей молодежи — это люди, ориентированные на работу на благо общества.

Это порядка пяти миллионов человек в возрасте до 18 лет.
К счастью, такие люди есть. Но сказать, что их многие поддерживают, мы пока не можем. Дело в том, что у нас нет национальной стратегии в области молодежной политики. Спорт и развлечения — это не стратегия. Если появится стратегия, будет расти число молодых людей, которые внутригрупповым разборкам предпочитают общественное благо.

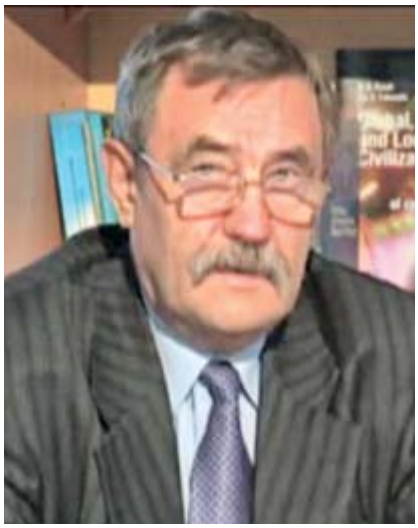
Иными словами, нужна другая система ценностей и их пропаганда?
Совершенно верно.

Игорь Юрьевич, а что лично вам дает надежду на будущее?
Прежде всего то, что у меня двое детей и двое внуков, и ради них я сделаю все, чтобы эта воронка не засосала окончательно все наше общество. Главная надежда связана с тем, что у нас прекратились линейные процессы. Появилось много молодых людей с уникальными способностями, и я надеюсь, что эта тенденция усилится.

ПЭС 11031/11.03.2011

Беседу А.И. Агеева и И.Ю. Сундиева от 4 апреля 2011 г. на тему «Без молодежи нет рывка — ее уничтожают!» можно посмотреть на сайтах Института экономических стратегий http://www.inesnet.ru/tv/20110404-2/ и информационного мультипортала KM.RU http://tv.km.ru/i-sundiev-bez-molodezhi-net-ryvk?page=1

ВТО вчерашнего дня для России



Овчинников Валерий Валентинович, *директор Центра глобальной экспертизы Глобального индустриального центра в странах Латинской Америки, Европы и Китае, доктор экономических наук, доктор технических наук, профессор*

20 лет назад шла дискуссия о том, как проводить реформы в России: избрать ли шоковую терапию или тот путь, которым идет Китай. Время показало, что китайская модель оказалась успешной. Можем ли мы сегодня использовать китайский опыт?

Безусловно, можем, но с учетом определенной специфики. Дело в том, что благодаря своему огромному рынку Китай привлекает технологические цепочки самых лучших мировых производителей. Тем не менее нам есть чему поучиться у китайцев. Например, там власть и бизнес весьма успешно организуют работы по развитию инновационной сферы, в частности создают инновационные супермаркеты — они напоминают обычные супермаркеты, но торгуют инновациями.

Китаю пошло на пользу вступление во Всемирную торговую организацию?

Они рассматривают ВТО как одно из направлений развития своей экономики, не более того. Альтернативой ВТО как раз и являются те самые международные технологические цепочки, на которые требования ВТО не распространяются. Кстати, на Всемирном форуме в Давосе неоднократно ставился вопрос о проведении реформ во Всемирной торговой организации.

И какова направленность этих реформ?

В первую очередь дебюрократизация. Одно дело, когда глобальная конкуренция осуществляется с помощью чиновников ВТО, и другое дело, когда выстраивается цепочка, работающая без участия чиновников.

Творческий потенциал России высоко ценится во всем мире, но все это размывается неопрятной инфраструктурой.

А Россия стремится вступить в ВТО, где доминируют чиновники.

Потому что наша страна лучше приспособлена к бюрократической системе управления.

Иначе говоря, нам нравится ВТО вчерашнего дня?

В общем-то, да. Международные чиновники больше привлекают российских чиновников, чем, скажем, технологические цепочки.

Чиновники всех стран, соединяйтесь!

А цепочки объединяют предпринимателей всех стран.

По сути, тут закладывается новое глобальное противоречие?

Безусловно. И хотя ВТО этим недовольна, никто не может запретить предпринимателю, скажем в США, организовать свой стартап и работать с китайской командой. Чиновники вынуждены считаться с этим фактором.

Два года назад вышла в свет Ваша книга «Глобальная конкуренция». В ней Вы пишете о подходах к бизнесу, которые только сейчас начинают осознаваться как подлинные технологии экономического успеха. Какие новые идеи появились у Вас в процессе осмысления глобальной конкуренции сейчас, когда вышла еще одна Ваша книга «Глобальная конкуренция многоукладной экономики»?

Первая книга была посвящена идеологии глобальной конкуренции во всех ее проявлениях, в том числе с учетом российского опыта. Новая книга отличается тем, что тут глобальная конкуренция рассматривается с позиции производственных сетей, технологических цепочек, о которых я говорил. Глобальная конкуренция — это основное достижение человечества, и значение производственных цепочек здесь очень велико.

В чем отличие этих производственных и технологических цепочек от традиционной производственной кооперации?

Я бы отметил две формы кооперации, которые реализуются через технологические цепочки. Первая — операционная кооперация, как мы ее называем, где в разрешении споров и регулировании часто участвуют чиновники, а вторая — инновационная кооперация, которая основана как раз на технологических цепочках. В этом случае правила игры, стандарты и т.д. устанавливает сам предприниматель без участия чиновников. Здесь важную роль играют инновационные супермаркеты.

Чем российскому инноватору, изобретателю может быть полезен инновационный супермаркет? И есть ли у нас в России прототипы таких инновационных супермаркетов?
Инновационный супермаркет — это новое явление. Здесь продавцом является владелец идеи или изобретения, а покупателем — инвестор. При этом проверяются и покупатель, и продавец, чтобы стороны не ввели друг друга в заблуждение.

Кто их проверяет?
Сотрудники супермаркета или независимые эксперты. Речь идет об анонимных экспертах из разных стран мира. Только с Давосом сейчас работают около шести тысяч экспертов из 80 стран, которые отрабатывают определенные этапы выполнения проектов. Их экспертиза является действительно независимой и компетентной.

Эксперт несет ответственность за свои заключения?
Безусловно. Во-первых, он должен быть компетентен, а во-вторых, если он введет в заблуждение заказчика, ему придется выплатить соответствующую компенсацию. Платить, конечно, будет не он, а специальный фонд. Например, китайцы при осуществлении сложных наукоемких проектов привлекают несколько сотен экспертов из 16–18 стран мира. Эксперту поступает заказ через специальную платформу знаний, с помощью которой обеспечивается действительно объективная оценка проекта.

Российский бизнес неохотно занимается потреблением знаний. Он считает, что эти знания сначала кто-то должен обкатать.

Можно предположить, что многие проекты, которые реализуются у нас, такой экспертизы не прошли.
К сожалению, да. Очень часто в проект заранее закладывается отставание уже на этапе его выполнения.

А какая мотивация у инвесторов, участвующих в этих проектах?
Они получают возможность ближе познакомиться с теми, кому дают свои деньги, чтобы минимизировать риски и максимизировать прибыль.

Какие рекомендации Вы бы дали нашим изобретателям, инноваторам?
Между изобретателями и инвесторами должен стоять кто-то третий, кто одинаково хорошо разбирается и в бизнесе, и в особенностях того или иного изобретения. Он обязан ответить на вопрос: превратится это изобретение в некий коммерческий продукт или это невозможно? Ведь инвестора в конечном счете интересует не само изобретение, а компания, которая возьмется за его реализацию. Эта компания должна быть прозрачной во всех отношениях.

Мы сейчас пытаемся привлечь иностранные инвестиции, не вводя подобные институты. Насколько это оправданно?
Инвестор осторожен, он, как говорится, облизывается, но в Россию не идет.

А есть на что облизываться?
Есть, безусловно. Творческий потенциал России высоко ценится во всем мире. Наша страна занимает одно из первых мест по количеству инноваций, изобретений, создаваемых ежегодно, но все это размывается неопрятной инфраструктурой. В результате инвестор теряет ориентир.

Следовательно, у нас отсутствуют знания о том, как правильно инвестировать в инновации?
Конечно. Именно платформа знаний позволяет понять, является ли изобретение полезным. Если такая платформа ориентирована на экспорт, вы получаете возможность освоить другие рынки, в том числе глобальные, потому что ваши знания кому-то нужны.

Российский бизнес неохотно занимается потреблением знаний. Он считает, что эти знания сначала кто-то должен обкатать. Тем самым с самого начала закладывается отставание.

Какое значение имеет этика и социальная ответственность в современном бизнесе?

Вы знаете, это глобальная проблема. Сейчас много говорят о социальной ответственности бизнеса. В частности, на форуме в Давосе поднимался вопрос о том, что надо переходить к каким-то единым стандартам работы, но при этом необходимо учитывать специфику страны.

Необходимо восстановить советскую систему обучения, обогатив ее зарубежным опытом.

Хорошо известно, что в отношении внедрения стандартов мы отличаемся очень невысоким процентом выхода. Там, где, например, поляки или чехи, а тем более немцы дойдут до ста процентов внедрения стандарта, у нас цифры в пять и более раз меньше. В чем причина?

В неумении бороться с явлением, которое мы называем принуждением к внедрению плохих стандартов. Если представители какой-либо фирмы не желают пускать конкурентов в свой сегмент рынка, они предлагают им, например российским предпринимателям, работать в рамках явно устаревшего стандарта. В России, к сожалению, не отработана юридическая и технологическая практика защиты своих интересов в сфере стандартизации. Мы не умеем доказывать, что имеет место принуждение к принятию плохого стандарта, поэтому тут идет как бы игра в поддавки. Та сторона навязывает плохой стандарт, а мы принимаем, потому что они заявляют, что в ином случае прекращают всякие отношения. И таких примеров много.

А есть ли практика принуждения к внедрению лучшего стандарта?

В Китае я такое встречал. Дело в том, что китайцы провозгласили принципы инновационного копирования с улучшением параметров. Они рассуждают так: мы берем ваш стандарт, но подписываем контракт при условии, что имеем право сделать его лучше. На этом принципе как раз и строится работа технологических цепочек, например, в области передового авиастроения.

Вы сейчас много работаете за рубежом, в частности с китайскими бизнесменами, обучая их новейшим подходам. Какой пример здесь может быть для нас особенно поучительным?

Российские предприниматели не умеют так же эффективно включаться в технологические цепочки, как китайцы. При включении в цепочку они научились заключать контракты таким образом, чтобы максимально эффективно использовать партнера, причем дать ему возможность поработать, обучить персонал, построить завод, сертифицировать всю продукцию и т. д. Получив свою долю прибыли, он уходит с китайского рынка, и китайцы выходят на те рынки, на которых работал этот партнер, поскольку они получили все необходимые сертификаты. Технологические цепочки позволяют увеличивать жизненный цикл предприятия, а следовательно, работать уже в рамках новой экономической модели. Такой непрерывный рост Китая за счет внедрения все новых и новых высоких технологий, в том числе в области авиастроения, позволит ему достичь самых лучших результатов.

Общеизвестно, что за последнее десятилетие существенно снизилась численность рабочих, инженеров, ученых. И все-таки в Ваших словах чувствуется оптимизм. На чем он основан?

Во-первых, я не сказал бы, что наша молодежь хуже, чем молодежь в Соединенных Штатах или в Китае. Один из будущих китайских лидеров Си Цзиньпин сказал, что в России много умных, но мало опытных. Поскольку нашей молодежи не хватает опыта и компетенции, необходимо восстановить советскую систему обучения, обогатив ее зарубежным опытом. Основное внимание следует сосредоточить на подготовке инженеров, дефицит которых сегодня ощущается особенно остро. Если это будет сделано, то Россия очень быстро нагонит тот же Китай. Кстати, китайцы используют советскую систему подготовки инженерных кадров. ЭС

ПЭС 11054/20.04.2011

Беседу А.И. Агеева и В.В. Овчинникова от 10 мая 2011 г. на тему «ВТО вчерашнего дня для России» можно посмотреть на сайтах Института экономических стратегий http://www.inesnet.ru/tv/20110510-2/ и информационного мультипортала KM.RU http://tv.km.ru/v-ovchinnikov-vto-vcherashnego-d?page=1